

- Bodor R., Zapf M.* The Learning Circle – A New Model of Rural Social Work Education from Canada // *Rural Social Work*. 2006. № 7(2).
- Case S.* Young People “At Risk” of What? Challenging Risk-focused Early Intervention as Crime Prevention // *Youth Justice*. 2006. № 6(3).
- Case S.* Questioning the Evidence of Risk that Underpins Evidence-led Youth Justice Intervention // *Youth Justice*. 2007. № 7(2).
- Catalano R.F., Berglund M.L., Ryan J.A.M., Lonczak H., Hawkins J.D.* Positive youth development in the United States: Research findings on evaluations of positive youth development programs. Washington, DC: U.S. Department of Health & Human Services, 1999.
- Collier K.* *Social Work With Rural Peoples*, 2nd ed. Vancouver: New StarBooks, 1993.
- Connell J., Gambone M., Smith T.* Youth development in community settings: Challenges to our field and our approach. Philadelphia: Institute for Research and Reform in Education. 1998.
- Damon W.* What is positive youth development? // *Annals of the American Academy of Political & Social Science*. 2004. № 591.
- Davis G., McAdam D., Scott W.R., Zald M.N.* Social movements and organization theory. New York: Cambridge University Press, 2005.
- DiMaggio P.J.* State expansion and organizational fields // R.H. Hall & R.E. Quinn (Eds.) // *Organizational theory and public policy*. Beverly Hills, CA: Sage, 1983.
- Ferrer-Wreder L., Stattin H., Lorente C.C., Tubman J., Adamson L.* Prevention and youth development programs: Across borders. New York: Kluwer Academic/Plenum, 2004.
- Final report on youth policy indicators, Council of Europe, 2003.
- France A.* Risk Factor Analysis and the Youth Question // *Journal of Youth Studies*. 2007. № 11(1).
- Gray P.* The Politics of Risk and Young Offenders Experiences of Social Exclusion and Restorative Justice // *British Journal of Criminology*. 2005. № 45.
- Griffin C.* Representations of Youth: the Study of Youth and Adolescence in Britain and America. Cambridge: Polity Press, 1993.
- Williamson H.* Youth and policy: Contexts and consequences Ashgate, Aldershot, England, 1997.
- Youth policy in the Netherlands // A report by an international expert group appointed by the Council of Europe, 1998.

© 2014 г.

А. А. ЖЕЛНИНА

“ПОЛИТТУСОВКА” – АЛЬТЕРНАТИВНОЕ ПУБЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО В СФЕРЕ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ¹

ЖЕЛНИНА Анна Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии НИУ ВШЭ (СПб.) (E-mail:azhelnina@gmail.com).

Аннотация. Статья посвящена изучению дискуссионного клуба “Политтрамонта”, который рассматривается как альтернативное публичное пространство молодежи, позволяющее участникам социализироваться в качестве профессиональных политиков, журналистов и активистов, а также как стратегия коллективного преодоления барьеров на входе во “взрослую” жизнь, создавая альтернативное пространство и переосмысливая традиционные политические институты.

Ключевые слова: молодёжь • политика • социализация

Введение. Активное участие молодежи в политических протестах конца 2011 – начала 2012 г. для многих стало неожиданностью: еще накануне СМИ и некоторые

¹Статья основана на результатах проекта “Молодежные солидарности в локальном и глобальном контексте: экономика, политика, культура”, поддержанном Центром фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2011 г. В сборе эмпирических данных принял участие А. Пронин.

эксперты сокрушались по поводу пассивности молодежи, отмечали, что молодые не интересуются политикой, разочарованы в традиционных формах политического действия и увлечены потребительскими благами и личными карьерами. Активное участие молодежи в акциях после парламентских и президентских выборов показало, что потенциал мобилизации достаточно высок. В связи с этим актуальным представляется исследование политической мобилизации молодежи и специфических форм публичного пространства, благодаря которым мобилизация становится возможной.

Наличие и функционирование публичного пространства – одна из главных предпосылок формирования у молодежи новых коммуникативных навыков, в том числе общественной и политической деятельности [см. Jügendliche..., 2003]. В данном тексте это понятие понимается как пространство обмена и столкновения мнений (Ю. Хабермас), локализованное в городской среде, где они могут взаимодействовать друг с другом и окружающим миром. Именно так понимает публичное пространство Х. Арендт: люди, вступающие в содержательное взаимодействие, видят друг друга, то есть встречаются в конкретных городских пространствах [Арендт, 2000].

Н. Фрэйзер критиковала концепцию буржуазной публичности, предложенную Ю. Хабермасом, поскольку говорить о некоем едином публичном пространстве и единой публике невозможно [Fraser, 1990: 61]. В данном исследовании используем эту критику и обращаем внимание на процесс создания альтернативной публичности новой формирующейся социальной группой – молодыми журналистами и политиками Санкт-Петербурга. Во многом потому, что новая группа формировалась в альтернативных публичных пространствах, на которые не были обращены взгляды политологов и журналистов, голос и мнения молодежи по политическим вопросам оставался за границами их внимания. В этом смысле можно сказать, что молодежь оказалась “альтернативной публикой” (“counter public” Н. Фрэйзер)².

В данной статье мы обратимся к организации face-to-face публичного пространства, которое было создано молодыми активистами для обсуждения политических вопросов. Это пространство позиционировалось создателями как нестандартное, его нестандартность подчеркивалась, при этом именно это альтернативное пространство служило социализации и интеграции в профессиональную сферу политики и политической журналистики.

Эмпирическая база – интервью с шестью представителями сети “Политграмоты” и организаторами проекта, дневники наблюдения на дебатах, анализ материалов сайта и групп в социальных сетях, а также данные 5 фокус-групп, посвященных отношению молодых людей к политике, в которых приняли участие 45 человек в возрасте от 16 до 25 лет в рамках проекта “MYPLACE – Memory, Youth, Political Legacy and Civic Engagement”.

Выбор информантов обоснован тем, что позволил реконструировать логику производства пространства, механизмы его функционирования и особенности внутренней “кухни” “Политграмоты” как проекта и в то же время представить точку зрения участников дебатов. “Рядовые” участники были подобраны по рекомендации организаторов проекта, однако намеренно была обеспечена представленность в выборке участников организаций из разных частей политического спектра (“Единая Россия”, “Яблоко”, “Правое дело”). Такая диверсификация позволила показать специфический и при этом высоко политизированный мир “Политграмоты”. Для того, чтобы показать отличия этой солидарности, объединившей представителей разных политических идеологий, от мира “обычной”, неполитизированной молодежи, были использованы материалы фокус-групп.

Гайд интервью с представителями Полит-грамоты включал блок о политических и общественных взглядах (Участвует ли человек в выборах, общественных движе-

² Заметим, что публика, которая вышла на площади в декабре 2011 г., и публика, которая попала в фокус рассмотрения данной статьи, – разные, которые не могут говорить одна за другую и не имеют общего пространства коммуникации, хотя некоторые представители сети “Политграмоты” принимали участие в декабрьских акциях.

ниях, входит ли в партии? Есть ли друзья в партиях и общественных движениях?), вопросы о личной мотивации участия и приходе в проект, об особенностях, трудностях, возникающих при участии в работе Полит-граммоты. Отдельный блок был посвящен определению “круга единомышленников”, описаниям “своей” публики и “чужих”, выявлению пересечения связей внутри политизированного публичного пространства Полит-граммоты и дружеских неформальных кругов респондентов. Большое внимание в гайде интервью уделялось соотношению виртуального и реального пространств взаимодействия: поскольку Полит-граммота и представляет площадку для личного общения (дебаты), и поддерживает информационно-аналитический сайт, важно было установить значение этих двух форм коммуникации для участников и организаторов проекта. Вопросы в этой части интервью касались роли сайта и дебатов (Что важнее – обмен мнениями через сайт или персональные встречи? Почему вообще возникла идея личных встреч? Что больше вызывает обсуждений – публикации на сайте или живые встречи? Совпадает ли аудитория сайта с аудиторией живых мероприятий?). Аудитории дебатов был посвящен отдельный блок гайда, поскольку именно её оценка разными участниками позволяет выявить описания “своей” публики, а также восприятие “чужих”, что вскрывалось зачастую через описание негативных ситуаций, возникавших на дебатах. Отдельный блок был посвящен внешним связям проекта – с журналистами других изданий, политиками, чиновниками, спонсорами и владельцами клубов, где проводятся дебаты.

“Полит-граммота”: “альтернативное” и “официальное” пространство. Молодежный дискуссионный проект “Полит-граммота” (ПГ) начал свою работу в 2006 г. на фоне практически отсутствующей молодежной политики в Санкт-Петербурге. Организаторы проекта – молодые студенты-журналисты петербургского вуза – ставили перед собой задачу создать молодежную платформу для обмена мнениями о происходящем в политической жизни. Деятельность ПГ включает ведение веб-сайта, на котором публикуются мнения и аналитика молодых политиков и журналистов по поводу актуальных событий в политической жизни страны и региона, а также проведение дебатов в городских клубах с участием политиков, активистов и заинтересованной публики.

Формат оказался популярным, и вскоре после появления дебатов ПГ свои дискуссионные клубы создали другие молодежные объединения и организации Санкт-Петербурга. По словам создателей, проект дебатов был необходим, чтобы дать возможность быть услышанными молодым людям, уже занимающимся политикой и общественной деятельностью, помочь им в профессиональном становлении, с одной стороны, и сделать политику интересной для тех, кто ей никогда не интересовался, с другой. Кроме того, проект позволил *“понять, какие взгляды им ближе, что они разделяют, что они не разделяют, кому они симпатизируют – через такие мероприятия, чтобы у них у самих тоже сложилось впечатление о такой общественно-политической, идеологической матрице”* (01).

Альтернативность и специфика молодежи. Формат и места, выбираемые для проведения дебатов, – подчеркнуто альтернативные: это молодежные бары и клубы, где публика может пить пиво и вести себя более раскованно, чем в аудиториях и конференц-залах. Именно альтернативность традиционным дискуссионным пространствам (в вузах и других формальных учреждениях) становится принципиальной чертой дебатов. Информанты описывали самый первый опыт дебатов, которые прошли в помещении обычного конференц-зала, как не самый успешный и не слишком отличающийся от привычных дискуссий (02). Чертами нового формата становятся свобода самовыражения, эмоциональность реакций, “раскрытие” участников; дебаты оказываются неким “перевытисшем”, противоположностью “взрослой” политике, в которой все сохраняется спокойствие и говорят скучно: *«Политика для молодежи – это чтобы было интересно, чтобы там не заснули все на третьей минуте обсуждения, чтобы люди смогли в обстановке клуба, бара выпить пива, покурить, крикнуть там “дурак!”, если дурак сидит на сцене. Ну и вообще немножко почувствовать себя посвободнее»* (03).

Изменение направления внимания благодаря выбору альтернативного пространства переворачивает представление о приоритете внимания – не к политикам, а к молодежи. Привычные для молодежи пространства досуга – это места, где молодые люди чувствуют себя “на своей территории”, “чувствуют себя своими”, “не боятся выразить свою позицию” (01). Именно на эту “чужую территорию” иногда приходят формальные политики, вынужденные занимать непривычное положение: *“Получается, тут уже не молодежь приходит к политикам и смотрит им в рот, а политики приходят к молодежи и должны как-то перед ними представать и адаптироваться к ним, раскрываться или не раскрываться, как-то себя позиционировать”* (01).

Рамки “молодежной политики” позволяют вести себя свободнее, а личное со-присутствие участников дебатов делает контакт более живым и внушающим доверие, чем опосредованная коммуникация в Интернете и СМИ, по определению одного из организаторов. Такое личное общение позволяет показать, как выглядит *“политика без маски”* (02).

Альтернативность пространства, его организация и специфические правила поведения меняют даже тех участников, которые профессионально и долго занимаются политикой. Так, в интервью неоднократно возникали истории о том, как были выведены из себя/на чистую воду некоторые политики, согласившиеся участвовать в дебатах, но не выдержавшие давления публики. Например, описание опыта участия в дебатах одного известного политика, которого информанты охарактеризовали как *“грамотного спикера”*, который со всеми, даже с оппонентами может найти общий язык, но на чужой территории и с другими правилами игры не смог справиться и *“раскрылся”*: *“...И он начал просто вот так нарезать круги на сцене, нервно бегать, звонить, орать на зрителей, потому что они его перебивали...”* (01).

Помимо нарушения стандартов официальной политики новое публичное пространство предоставило право голоса тем, кто до сих пор не имел возможности говорить с публикой. Причем для самих информантов оказалась важна альтернативность дебатов и стандартному медийному пространству, которое, как и традиционная политическая сфера, представляется закрытым и консервативным в противоположность свежему и мобильному пространству ПГ. Телевидение описывается как консервативное поле, недоступное для новых политических сил. В то же время на ПГ *“...абсолютно новые лица. Некоторые из них не уступают по качеству контента, который они выдают аудитории, и по мастерству ведения полемики тем, кто на телевидении уже 20 лет”* (02).

Образ традиционных институтов (политика, образование, СМИ). По отношению к чему выстраивается уникальность и альтернативность ПГ? Традиционные институты, которые возникают в качестве “другого”, – это “взрослая” политика и структура образования. “Взрослая политика” воспринимается при этом как пространство, где уже давно не происходит полноценных споров и столкновения мнений, где все идеологические противоречия носят декоративный характер. В качестве *“грамотного”* мейнстримного политика приводится человек, который *“независимо от того, в какой он аудитории оказывается, он со всеми просто соглашается, занимает такую позицию – да, конечно, конечно, вы, безусловно, правы, и далее разъясняет свою позицию”* (01).

При этом “академический формат”, то есть обсуждения в стенах вузов, также противоположен тому, к чему стремится Полит-грамота. Принципиальное отличие – отсутствие эмоций и живого интереса: *“Академический формат он располагает к такой скованности, к сдержанности, что вот все спокойно, размеренно, обсуждение идет какое-то такое содержательное, тематическое”* (01).

Интерес и эмоции связаны в молодежных дискуссиях: “повышенные тона” и личное противостояние – необходимый элемент обсуждения, отсутствующий во взрослой политике. Даже слово “дебаты” возвращает благодаря ПГ свое изначальное значение, потерянное в рамках формальной политики. Именно факт личного присутствия, видения “своими глазами” оказывается самым важным в проекте молодежной поли-

тики: в интервью многократно повторяются выражения “своими глазами увидеть”, “лично”, используются метафоры “обнажения” (“когда человек выходит на дебаты – он выходит ну как голый, со своими интересами, противоречиями” (02), упоминается, что приходится сидеть рядом за столиком с кем-то, чьи взгляды “противны” (01). Опыт телесного со-присутствия и эмоционального со-участия, а не только обмена идеологическими тезисами, создает эффект участия, включения, принадлежности к сообществу, чего не позволяет достичь опосредованная коммуникация: “...в информационном поле создается вот эта картинка, она же ведь, не то чтобы лживая, она скорректированная немножко. Она подрихтована специалистами, которые этим занимаются, они хотят создать позитивный имидж” (02).

Противопоставление “живого” общения и медийной коммуникации – часто встречающийся сюжет. Живое участие в сообществе требует гораздо больших эмоциональных и интеллектуальных затрат, но людей “вытащить вживую” (06) именно поэтому очень сложно: “В Интернете-то много людей пишет, комментирует. А вот чтобы потом выйти физически, вот с этим проблемы” (06).

Значимость личного общения подчеркивается активистами не только в отношении дебатов, но и профессиональной политической деятельности в целом. Значимость личного контакта возрастает в условиях, когда благодаря СМИ и Интернету политические силы создают себе “маски” и красивые образы. Причем одинаково скептическое отношение к СМИ и Интернету демонстрируют представители разных частей политического спектра – и “оппозиционные”, и “парламентские”. Представитель “Единой России” в интервью отметил, что для него важно наблюдать за реальным поведением оппонентов, чтобы оценивать их реальные возможности и численность – это касается не только дебатов, но и других оффлайн-форм участия, митингов и пикетов: “Надо понимать, видеть своими глазами, чтобы понимать твоих оппонентов <...> Но достаточно придти на митинг для незарегистрированных партий, где сто человек всего на три партии, которые утверждают, что, у них пятьдесят тысяч членов, или сорок пять. И становится ясно, что говоря о народе, люди говорят о своей маленькой группе” (05).

Таким образом, ПГ выстраивает собственную альтернативность и по отношению к традиционным СМИ – той сфере, в интеграции с которой заинтересованы некоторые участники, являющиеся начинающими журналистами. И хотя информационно-аналитический портал polit-gramota.ru является важной частью проекта, дебаты эмоционально более значимы для участников, так как именно живое общение является самой необычной и потому альтернативной формой для политики в Петербурге (и в России в целом).

Нужно отметить, что “традиционные” политики участвуют в проекте, хотя не всегда готовы поддержать “перевертыш”. Например, одной из самых заметных историй за время работы дебатов стало поведение приглашенного в качестве спикера депутата, который демонстративно нарушал все альтернативные требования дискуссионного клуба: пригласил пенсионера в качестве группы поддержки, пытался запретить употребление пива, привел помощника носить за собой пальто – демонстрировал традиционную иерархию, которая не действует в альтернативном публичном пространстве. В итоге спикер “сбежал”, прислал милицию, но дебаты все же состоялись – его заменил дружественный Полит-грамоте молодой представитель “Единой России”.

Профессиональная социализация. История развития проекта непосредственно связана с профессиональным развитием его участников: как самих организаторов [“Мы тоже были нулевые абсолютно, мы росли вместе” (02)], так и спикеров, журналистов, аудиторов [“Есть люди, которые росли на наших глазах, которые сначала участвовали в наших мероприятиях” (01)].

Непривычная для “взрослой политики” форма публичных дебатов оказалась полезной тренировочной площадкой для начинающих политиков: “Да, я знаю конкретных людей, которые сейчас в руководстве организаций, которые первый раз пришли на наши дебаты. То есть они вначале пришли на дебаты, им понравился спикер, они

пришли в движение, потом – бах! – смотришь, а он через полгода...”. У ПГ есть свои общепризнанные истории успеха: например, лидер одного из общественных движений Петербурга, который начал свою публичную карьеру именно в рамках дебатов, “стал одним из самых качественных ораторов в Петербурге” (02).

Кроме политиков профессиональную социализацию в альтернативном формате здесь проходят и начинающие журналисты, которые пишут новости и аналитику на сайт *polit-gramota.ru*, где с ними работают в качестве редакторов все те же авторы проекта. На счету ПГ уже несколько примеров успеха, когда авторы сайта становились “одними из ведущих политических обозревателей” (01).

Приобретенные во время сотрудничества с ПГ навыки политического спора не обязательно приводят к тому, что человек становится профессиональным политиком, однако участники, тем не менее, оценивают приобретенные навыки как весьма полезные для карьеры и в других сферах. Участие в прокремлевских движениях рассматривается как более перспективный путь с точки зрения карьеры в государственных структурах, но опыт Полит-грамоты более полезен содержательно благодаря навыкам и широкому кругу знакомств.

Сами организаторы проекта, журналисты по специальности, отмечают и собственный профессиональный рост, и постепенное включение в сообщество, а также рост собственного социального капитала и доверия благодаря участию в проекте: “То есть когда-то мы боялись дойти до интервью к Резнику. А сейчас свободно, есть контакты, если там нужен какой-то комментарий для сайта” (03).

Сообщество/солидарность/публика – “политтусовка”. Как отмечают организаторы проекта, на раннем этапе развития ПГ молодежного политического сообщества как такового не существовало, поскольку разрозненные молодежные организации и партийные отделения существовали атомизированно, не имея пространства для взаимодействия, “даже не знали друг о друге” (01), “не общались между собой” (02). С появлением ПГ у разрозненных инициатив появилась возможность контактировать, сотрудничать и конфликтовать: отмечают это как сами авторы проекта, так и участники дебатов из различных партий и движений, которые получили возможность “взаимодействовать, находить общие точки соприкосновения, знакомиться, заводить контакты деловые или наоборот, стали между собой очень активно конфликтовать” (02). Это оказалось полезно и для “оппозиционеров”, и для тех, кто был к формальной политике гораздо ближе: знать оппонентов и их позиции оказалось чрезвычайно важно для всех: “Если своих знаем по своим мероприятиям, вместе работаем, то знакомиться с оппонентами более лично эта площадка помогает” (05).

Постепенное создание сообщества знающих друг друга лично и доверяющих друг другу людей – один из результатов встреч на дебатах ПГ. Поэтому мы можем говорить о формировании новой солидарности, “ядром” [Омельченко, 2005] которой являются равнодушное отношение к общественной жизни и активизм.

Помимо того, что благодаря наличию такого публичного пространства оформились социальные сети и сформировалась внутренняя солидарность, сообщество молодых политиков попало в поле зрения более широкой публики. Однако определение “альтернативный” по-прежнему остается центральным для самоидентификации участников даже на этом более широком поле: “...через какое-то время нас тоже стали телеканалы местные освещать – просто потому, что это стало какое-то явление в городе, что-то интересное, местная пресса даже писала о наших мероприятиях, и мы действительно формировали этот, в чем-то альтернативный, политический медиа пул” (01).

Это развитие можно оценить как общий карьерный рост для всего сообщества, а не только для индивидуальных его представителей: “Наши дебаты стали дверью в политику” (02). Одновременно с ростом профессионализма организаторов, известности проекта рос и каждый в отдельности активист: “ребята, которые участвуют с тех пор постоянно в наших мероприятиях, они выросли, а в начале комьюнити тоже было такое ... достаточно очень все примитивно” (01).

Однако нельзя утверждать, что именно появление ПГ стало единственным условием появления этой новой публики: молодежное политическое сообщество зарождалось и искало свою форму публичности, которой на определенное время стала площадка дебатов. До ПГ с дискуссионными форматами экспериментировали и другие молодежные политические организации, однако она стала первой непартийной и открыто не ангажированной идеологически площадкой, которая в итоге и стала наиболее популярной.

Участники. Несмотря на то, что ПГ смогла привлечь к политическим дискуссиям молодых людей, на действительно широкую публику ей выйти не удалось, хотя постоянно предпринимаются попытки привлечь новую аудиторию. ПГ стала скорее клубом по интересам для небольшой группы, вовлеченной в политическую деятельность. Нужно отметить, что аудитория дебатов – это люди, связанные “слабыми” социальными связями, т.е. они не являются близкими друзьями, но эмоционально не перегруженная сеть знакомств позволяет иметь доступ к важной информации и ресурсам [Granovetter, 1983].

Однако можно сказать, что сформировалась публичное пространство определенной социальной группы, молодых людей, вовлеченных в общественно-политическую жизнь, которые взаимодействуют лично, встречаются в рамках определенного формата и включены в единые информационные сети, элементом которых являются дебаты и сайт Полит-грамоты. Эта группа имеет нечто вроде самоназвания – “политтусовка”, “полит-комьюнити”: *“...Коммунисты, либералы, какие-то вменяемые может быть националисты, любители истории. Антифашисты, кто угодно, вот это все тусовщики”* (02).

Интересно, что в аудиторию дебатов входят не только молодые люди, однако именно молодежь является “своими”, которых узнают и привлекают. Например, в одном из дневников наблюдения отмечено, что перед началом дебатов один из организаторов мероприятия удивился, что на дебаты пришел человек среднего возраста, которого сначала он за потенциального посетителя не признал (из дневника наблюдений 14 июля 2011).

Аудитория практически полностью представляет политический спектр современного Петербурга: присутствуют и левые, и либералы, и националисты, и представители партии власти. Идеологическая сбалансированность оценивается всеми без исключения информантами как безусловное преимущество проекта, в том числе, обеспечивающее спокойное отношение к ПГ со стороны правоохранительных органов. В частности, присутствие представителей Молодой Гвардии и Единой России позволяет избежать ассоциаций с протестами и оппозиционными мероприятиями, а значит, и проблем с властями (03).

“Свои” описываются как те, кто приходят, кому интересно, независимо от политической ориентации, среди “своих” обходится без открытых конфликтов, и атмосфера описывается как домашняя и дружелюбная (03). “Своя” среда характеризуется определенным уровнем доверия и знакомством участников друг с другом. В целом, среда оказывается достаточно замкнутой, т.к. большинство участников входят в одну социальную сеть. *“С нами сотрудничают, и мы лично дружим и с яблочниками, и с оборонцами, и с правоведами, и с левыми, и с единороссами. Именно это, собственно говоря, тоже обеспечило нам тоже какое-то доверие вот именно в этой тусовке...”* (01).

Чужие. В сообществе есть “чужаки”, известные всем, которые, тем не менее, являются своими и также частью сообщества: всем известны их любимые темы, особенности поведения (01). Однако существуют также “чужие”, в отвержении которых единодушны все участники процесса, входящие в сообщество, что также способствует формированию солидарности. Помимо тех, кому все равно и кто *“считают политику грязным делом”*, это – националисты, которые *“паразитируют на таких идеях насилия, ненависти к кому бы то ни было, они не заслуживают внимания...”* (01-2).

Развитие формата альтернативного публичного пространства молодежной политики. Успех “Полит-грамоты” привел к тому, что подобные мероприятия стали

проводить и другие молодежные организации, в первую очередь партийные. “Единая Россия” проводит Полит-Бой, Интеллектуальный клуб ЕдРо, дискуссии проводят партии “Правое дело” и “Яблоко”. Определенная конкуренция (“Когда они только создавались, они даже специально выбирали даты, совпадающие с нашими, чтобы перебить аудиторию, перехватить” (02)) позитивно сказалась на качестве происходящего на дискуссиях, однако благодаря независимости и неангажированности в рамках какой-либо политической идеологии именно ПГ завоевала центральные позиции в качестве основного публичного пространства для новой сформировавшейся публики – политтусовки.

Со временем дебаты петербургской “Политграмоты” стали проходить реже. В 2011 г. они проводились дважды, в начале 2012 г. на новой волне интереса к политике были проведены еще два заседания. Сокращение количества встреч может быть связано с тем, что подобных мероприятий много, а также с тем, что организаторы “выросли” и стали профессионалами, потеряв интерес к тренировочной площадке (работа двоих связана с общественно-политической деятельностью, третий продолжает постдипломное журналистское образование). Дебаты теперь проводятся в более “традиционном” формате: на телеканале “ВОТ” выходит одноименная передача, которую по очереди ведут трое главных действующих лиц “живых” дебатов (к концу 2011 г. вышло в эфир 34 выпуска). Однако альтернативное публичное пространство продолжает свою экспансию – теперь дебаты проводятся в нескольких регионах Северо-Запада, наиболее успешно – в Петрозаводске. Сайт, тем не менее, сохраняет роль публичного пространства и сегодня: здесь публикуются отчеты обо всех дебатах, проходящих в других регионах, аналитические статьи журналистов, информация от политических партий и движений, новости и т.п.

Публичное пространство как ресурсный центр. Многие участники сети реализуют благодаря ПГ свои идеи, интересы и проекты: дискуссионная площадка выступает в качестве информационного партнера. Она используется как известный “бренд”, вызывающий определенное доверие, для того чтобы организовывать различные мероприятия. Один из информантов, член партии “Правое дело”, отметил, что *“в этом большом проекте я являюсь скорее таким человеком, который там появляется, предлагает какие-то идеи, а потом вместе с ребятами из Полит-грамоты мы их делаем”* (04). “Полит-грамота” также становится сетью контактов и ресурсов, которые позволяют участникам реализовывать собственные проекты.

Заключение. Исследование молодежного дискуссионного проекта показало, что в Петербурге с его появлением стало формироваться альтернативное публичное пространство, позволившее оформиться и озвучить свою позицию новой публике, новой солидарности – сообществу молодых вовлеченных в политику и общественный активизм людей. Благодаря созданию пространства личного общения и обмена мнениями появилась среда для формирования идентичностей и площадка для профессиональной социализации. Ядром солидарности является ценность общественного и политического участия, интереса к общественно значимым задачам в противовес распространенному индивидуализму и самоустранению от защиты коллективных интересов. Эта солидарность преодолевает границы между частями политического спектра.

Участие в проекте для многих молодых активистов стало коллективной стратегией социальной мобильности: каждому участнику индивидуально было бы гораздо сложнее пробиться в политику или журналистику, а ПГ позволила коллективно заработать социальный и символический капитал в публичной сфере Санкт-Петербурга, который позволил более успешно реализовать собственный выход в профессию. Со временем альтернатива превратилась в мейнстрим, как и ее организаторы – состоявшихся профессионалов и потеряли интерес к альтернативе.

Сеть ПГ – это публичное пространство определенной публики, которая связана личными, но не близкими контактами (слабые социальные связи), позволяющими иметь доступ к важной информации и ресурсам. Благодаря участию в такого рода публичной активности действующие лица получают ресурсы для собственного (карь-

ерного, профессионального) роста и реализации своих проектов. Этот круг не расширяется, зафиксировавшись в определенном состоянии, отчасти влившись в “большую” политику. В то же время активисты-непрофессионалы, оказавшиеся на площадях после парламентских выборов, руководствовались совершенно другими целями и приобретали иные навыки. Различие этих стратегий представляется интересной темой для исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- Андреева Ю.В., Костерина И.В.* “Нам нужны права, а не обязанности”: гражданская активность российской молодежи // Журнал исследований социальной политики. 2006. Т. 4. № 3. С. 397–412.
- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.
- Государственная молодежная политика и социальная работа с молодежью / Под общ. ред. канд. тех. наук *Г.В. Ковалевой*. СПб.: СПГУТД, 2010.
- Иваненков С.П., Кострикин А.В.* Проблемы исследования социальной активности молодежи // Credonew. 2009. № 3(59). С. 82–100.
- Новые молодежные движения и солидарности России / Под ред. *Омельченко Е.Л., Сабировой Г.А.* Ульяновск: Изд-во Ульяновского государственного университета, 2011.
- Омельченко Е.Л.* Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 1.
- Fraser N.* Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy // Social Text. 1990. № 25 (26). P. 56–80.
- Granovetter M.* The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // Sociological Theory. 1983. Vol. 1. P. 201–233.
- Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society, Thomas Burger, Cambridge Massachusetts: The MIT Press. 1989.
- Jugendliche in öffentlichen Räumen der Stadt* / WüstenrotStiftung (Hrsg.). Opladen: Leske+Budrich, 2003.

© 2014 г.

Р.Х. ШАРИПОВА

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ РОССИЙСКИХ И КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

ШАРИПОВА Розалия Халиулловна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии Дальневосточной социально-гуманитарной академии (E-mail: rose_shar@mail.ru)

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу самоидентификации российских и китайских студентов. Российские студенты подчеркивают свою неповторимость, китайские – свою обыкновенность; россияне более оптимистичны и жизнерадостны, китайцы больше склонны к рефлексии; российские юноши и девушки более открыты в высказывании своих чувств, китайские – более сдержаны. Самохарактеристики российских и китайских студентов во многом объясняются различиями двух типов цивилизации: Запада и Востока.

Ключевые слова: “Я” • идентичность • самоидентичность • идентификация • самоидентификация • личность.

В самоидентификации различия между российскими и китайскими студентами еще значительнее, чем в социальных идентичностях. 60 из 126 респондентов, об-